

"Известия", 1. Любева
25.11.61

ВОИТЕЛИ НОВОГО МИРА

«ПОВЕСТЬ ПЛАМЕННЫХ ЛЕТ»
ВЫШЛА НА ЭКРАН

□ □
шие его ни на одну минуту прожитой жизни.

Две последние работы ему не привелось поставить своими руками. Но рядом с ним росли люди, для которых каждое его слово, каждый замысел открывался со всей предметной зримостью и масштабом постижения. И справедливость требует сказать, что «Повесть пламенных лет» — вторая работа, вышедшая из рук его ближайшего и самоотверженного соратника режиссера Юлии Солнцевой. — передает зрителю всю полноту идейного и художественного замысла замечательного советского писателя и режиссера Александра Довженко. Большая заслуга в этом и операторов Проворова и Темерина.

Фильм осуществлен широкоформатным способом, освоенным первоклассным техническим коллективом киностудии «Мосфильм».

Широкоформатный кинематограф по общему заключению представляет собой наиболее совершенное достижение кинематографической техники сегодняшнего дня. Обладая всеми преимуществами панорамного кино, т. е. широтой и масштабностью обзора, способ этот свободен от таких недостатков панорамы, как неизбежные соединительные швы трех изображений, проектируемых на экран.

И, надо сказать, что нельзя было найти лучшего материала для

отмеченные аллегорической образностью. Как пример приведу сцену разговора молодой вдовы с монументом, поставленным ее мужу-герою.

Мне привелось наблюдать, как после просмотра зрители, до глубины души взволнованные картиной, тут же обсуждали ее, обращаясь друг к другу так, как если бы они были давно знакомы. Между тем почти все они встретились здесь впервые, их всех познакомила картина. И когда один из зрителей стал раздумчиво критиковать сцену диалога со статуей, выражая сомнение в ее реалистичности, хор голосов оборвал его буквально на полуслове.

— Да как же вы не понимаете, — говорили зрители, среди которых были и женщины, и мужчины, и юноши, и старики, — как же вы не понимаете, что это и есть истинный реализм! Ведь так всю поэзию можно зачеркнуть. А как быть с «Медным всадником», а куда девать знаменитый дуб из «Войны и мира», а тоголевскую «птицу-тройку», а черное солнце в «Тихом Доне»?

И пошло, и пошло...

— Нет уж, голубчик, лучше откажитесь от ваших сомнений.

Я не знаю, отказался ли поборник «реализма» от своих сомнений, но наверняка задумался. И в самом деле, есть над чем задуматься.

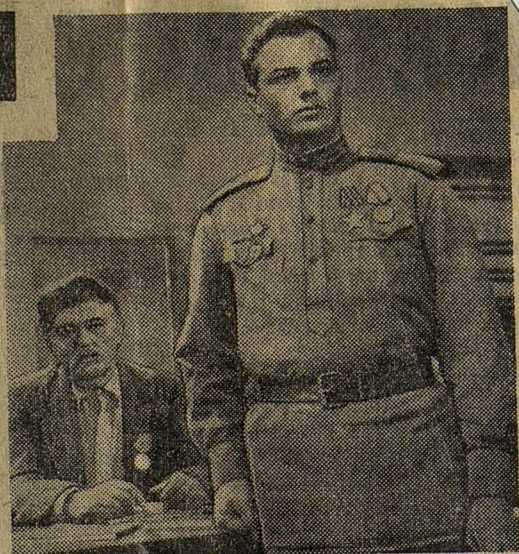
Поэтическая образность реализма поистине безгранична, и разделяет реализм и антиреализм, на мой взгляд, совсем не смелость образной формы, а ясность художественной цели. Не потому ли во все нарастающей полемике реалистов и антиреалистов мы встречаем удивительный парадокс, где натуралистическая, более того, анатомическая детализация художественного предмета в руках сюрреалистов с их искаженным клиническим миропониманием всем своим существом обращается против реализма, где анемичные фотографии формалистов так называемого «фигуративного» направления прежде всего стремятся уничтожить жизненное начало в своем художественном предмете. С другой стороны, вся история реализма опиралась на пламенную аллерию в литературном слове, в голосе и жесте актера, в музыкальном, живописном и скульптурном образе. И разве не естественно, что кинематограф, синтезирующий все искусства, выступает со своей образной поэтической и аллегорической формой. Именно поэтому, быть может, наименее удавшейся сценой в этой прекрасной работе Солнцевой мне представляется сцена в школе, где страшный факт уничтожения фашистами учителя и детей прямо тут, в классе, на уроке истории, скорее становится натуральной иллюстрацией к наиболее трагическим и скорбным страницам истории Отечественной войны, но лишь иллюстрацией к трагедии, но не постижением ее.

К счастью, таких примеров в этой картине больше не отыщешь. Она предстает перед зрителем как произведение цельное, рожденное вдохновением коллектива людей, верно и до конца понявших художественную цель, бывшую жизненной целью ее автора.

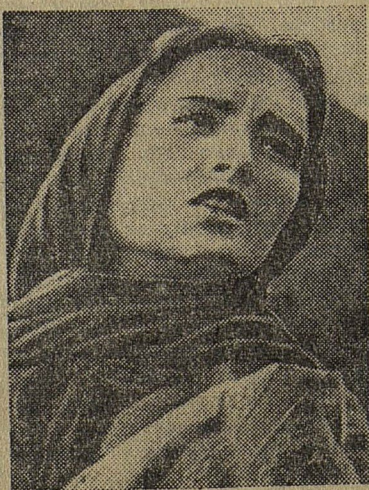
И операторы, и художник А. Борисов, и композитор Г. Попов, и артисты, всем сердцем сумевшие принять и мысль, и слог Довженко, нашли соразмерность выражения всему патетическому строю сценария. Нашли и в поступке, и во взгляде, и в очень сложной интонации. Это относится и к Андрееву, и к Кириенко, и к исполнителю главной роли солдата Иванко артисту Н. Винграновскому.

МНОГО серьезных и счастливых раздумий порождает появление фильма «Повесть пламенных лет». Мы склонны сурово и требовательно оценивать каждую новую картину, выходящую на экран, и это правильно. Слишком большие массы народа попадают в кинотеатрах под влияние фильма, чтобы мы могли оставаться спокойными при появлении серости и пошлости на экране. Но от века ведется так, что поступь в развитии искусства измеряется его вершинами. И поднявшись на каждую новую вершину и видя перед собой неоглядные дали многотрудного пути, нельзя не порадоваться, что эта новая вершина взята.

Сергей ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР.

Иван Орлюк обвиняет (артист Н. Винграновский).

Мария вернулась домой (артистка З. Кириенко).

первого широкоформатного фильма, чем сценарий Довженко «Повесть пламенных лет».

Гигантский размах батальных сцен, с необычайным трудолюбием и мужеством поставленных творческим коллективом во главе с режиссером и военными консультантами, представляет собой образец кинематографической выразительности. Первая же сцена торжества победы советских войск на площади перед берлинским рейхстагом дает всю полноту гордого и возвышенного волнения в зрительном зале, словно возвращая тебя к незабываемому дню Победы, дню ликования советского народа 9 мая 1945 года.

И дальше картина развивается, почти ни разу не снижаясь от взятого уровня, а порою поднимаясь на еще более захватывающую высоту. Эта первая сцена словно бы задает тон, определяет размер и глубину зрительского переживания.

Вот появляются герои: солдат Иванко, девушка-воин, боевой генерал, военные хирурги, жители разоренного, сожженного дотла украинского поселка, молодая вдова. Вокруг них гремит и бушует жесточайшая из битв человеческой истории, а они, потеряв, казалось бы, все, что может потерять человек, сохраняют главное человеческое богатство — силу духа, красоту и доброту своего разума, неодолимое дружество людей, поднявшихся на битву со зверем.

И зал, где сидят люди различных поколений, занятые своими мирными делами, люди, среди которых добрая половина молодежи, знающая войну только понаслышке да по книгам, — все они откликаются мыслям и поступкам героев картины самым чистым, мужественным и светлым чувством, какое заложено в каждом человеке и которое наше искусство призвано прежде всего разбудить и поднять со дна души.

Не это ли главная задача искусства?

СРЕДИ художников всех родов оружия сейчас часты разговоры о мастерстве, о художественной форме, которую не следует забывать. Зависимость формы от содержания давно уже стала аксиомой положением для каждого художника-реалиста. Но, может быть, никогда еще так отчетливо не выступала эта зависимость, как в фильме «Повесть пламенных лет», свято наследующем заветы Довженко.

В фильме есть сцены и кадры, поражающие точностью и соразмерностью художественного выражения с замыслом. Причем наибольшей силы достигают сцены,

В ТЕЧЕНИЕ всей жизни Александра Петровича Довженко вокруг его творчества не смолкал ожесточенный спор. Одними его пламенные аллегории не воспринимались, другие — доставляли возвышенное наслаждение. Спор этот, вероятно, не иссяк по сей день. Но с каждым годом все большее число людей открывает для себя в фильмах и литературных произведениях Довженко непреходящий смысл и красоту. Одна из его посмертных работ — «Поэма о море», поставленная Юлией Солнцевой, отмечена Ленинской премией. Другая — «Повесть пламенных лет», поставленная тем же коллективом, вышла сейчас на экран.

Фильм этот, как и каждое произведение Довженко, адресуется к многим моральным и эстетическим проблемам и, в частности, к художественному решению военной темы.

Довольно широко бытует представление о том, что военная тема движением времени уже отодвинута в область истории и должна уступить место теме современной.

В широком истолковании вопроса это так и есть. Но опыт развития советского киноискусства показывает, что возвращение к военной теме на уровне философского раздумья переводит тему из истории в современность. Так было в тридцатые годы с «Чапаевым» братьев Васильевых, так совсем недавно получилось с фильмом Ежова и Чухрая «Баллада о солдате». Так вышло и с фильмом Довженко и Солнцевой «Повесть пламенных лет».

Где же лежит секрет этой переплавки более или менее отдаленной истории в горячий поток чувств, размышлений и выводов, вызывающих прямой и непосредственный отклик в душе современника?

По-видимому, это и есть важнейший вопрос, неизбежно встающий перед каждым художником, обращающимся к любой теме, к любому жизненному материалу.

И тут со всей непреложностью приходит вывод. По-видимому, более всего секрет этот в современности самого художника, в общности и глубине его представлений, в размахе жизненного опыта, в сердечной отзывчивости на все те многочисленные проявления бурного и противоречивого развития, какими полна жизнь.

Ведь в том-то и дело, что в одних произведениях самая злободневная современность предстает перед читателем и зрителем словно бы застывшей в бутофорской неподвижности, в то время как в других более или менее отдаленная история вдруг оживает под рукой художника во всей своей неповторимости с живыми голосами людей, сложной логикой поступков и такой конкретностью жизненной обстановки, что ты словно бы становишься участником самого события.

Не есть ли это главный признак искусства?

КАЖДЫЙ, кому приходилось смотреть не только картины Довженко, но и читать его рассказы, сценарии, пьесы, поражался необычайной щедростью и картинности его языка. Неиссякаемый патристический пафос питал каждый новый его замысел, для него всегда источником и целью жизни оставалась разумная красота человека. И поэтому коммунизм был для него не отвлеченной абстракцией, системой логических построений, а конкретным материальным выражением силы, мудрости и красоты, лежащих в самой глубине народной. Поэтому герои его, будь то Иван — строитель Днепрогэса, старый охотник-следопыт с Дальнего Востока, юный полководец Шорс, устроитель природы Мичурин, председатель колхоза Зарудный, очищающий дно для нового, коммунистического моря, и, наконец, Иванко — рыцарь Отечественной войны, герой «Повести пламенных лет» — все это воители нового мира, беззаветные бойцы и упрямые философы, взявшие за предел жизни на земле на лучших, разумнейших и справедливейших началах.

Все это люди, герои страстотерпцы с сердцем, переполненным до краев любовью и яростью; и все это думы Довженко, не оставляв-